

Информация для цитирования:

Морина Л. А. Зоны риторических рисков в медиатекстах турбулентного времени / Л. А. Морина // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 4. — С. 132—151. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-132-151.

Morina, L. A. (2024). Rhetorical Risk Zones in Mediatexts of Turbulent Times. *Nauchnyi dialog*, 13 (4): 132-151. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-132-151. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Зоны риторических
рисков в медиатекстах
турбулентного времени**

Морина Людмила Александровна
orcid.org/0000-0003-1016-6103
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра филологии факультета
гуманитарного образования
ludmila200273@mail.ru

Новосибирский государственный
технический университет
(Новосибирск, Россия)

**Rhetorical Risk Zones
in Mediatexts
of Turbulent Times**

Lyudmila A. Morina
orcid.org/0000-0003-1016-6103
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Philology,
Faculty of Humanities Education
ludmila200273@mail.ru

Novosibirsk State Technical University
(Novosibirsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Понятие риторического риска вводится и актуализируется в русле концепции риторического декодирования текста, направленной на изучение механизмов эффективного текстообразования. Особую значимость феномен текстовой эффективности приобретает в турбулентные периоды человеческого существования. Материалом исследования выступает корпус медиатекстов, созданных в период пандемии COVID-19 и в апреле 2024 года во время разрушительного наводнения на Южном Урале и в Западной Сибири. Цель статьи — определение зон риторических рисков текста и выявление их индикаторов. В соответствии с методологическими принципами лингвориторической реконструкции выделены зоны риторических рисков текста: инвентивная, диспозитивная и элокутивная. Индикаторами инвентивной зоны выступают имплицитность практического целеполагания субъекта речи, а также ортодоксальность выдвинутого тезиса. Индикаторы диспозитивной зоны рисков: одноплановость аргументации; избыточность статистических данных, используемых в качестве аргументов; частотность связанных рассуждений. Элокутивная зона риторических рисков складывается вследствие игнорирования говорящим такого значимого для турбулентного времени коммуникативного критерия, как диалогичность. Результаты исследования могут найти широкое профессиональное применение — от образовательной деятельности до массовой и лингвоэкспертной практик.

Ключевые слова:

медиатекст; риторические риски; риторическое декодирование текста; эффективный текст.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The concept of rhetorical risk is introduced and actualized within the framework of the rhetorical decoding of the text concept aimed at studying the mechanisms of effective text formation. The phenomenon of textual effectiveness gains particular significance in turbulent periods of human existence. The research material consists of a corpus of mediatexts created during the COVID-19 pandemic and in April 2024 during the devastating flooding in the Southern Urals and Western Siberia. The aim of the article is to identify the zones of rhetorical risks in the text and to identify their indicators. In accordance with the methodological principles of linguorhetorical reconstruction, the zones of rhetorical risks in the text were identified as inventive, dispositive, and elocutive. Indicators of the inventive zone include the implicitness of the speaker's practical goal-setting and the orthodoxy of the thesis put forward. Indicators of dispositive risk zones include one-dimensionality of argumentation, excessive use of statistical data as arguments, and frequency of related reasoning. The elocutive zone of rhetorical risks arises due to the speakers' neglect of such a significant communicative criterion for turbulent times as dialogism. The research results can have broad professional applications — from educational activities to mass media and linguo-expert practices.

Key words:

mediatext; rhetorical risks; rhetorical decoding of text; effective text.

УДК 811.161.1'42+808.51

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-132-151

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и

сравнительно-сопоставительная лингвистика

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Зоны риторических рисков в медиатекстах турбулентного времени

© Морина Л. А., 2024

1. Введение = Introduction

Турбулентность, понимаемая сегодня как характеристика миропорядка, создается совокупностью факторов, куда обычно включают технологические революции (в частности, информационно-коммуникационные), транснациональные проблемы, глобальные финансовые рынки, а также естественные источники, связанные с действием природных катаклизмов, ведущих к дестабилизации человеческого существования [Полулях, 2017].

К последним относится недавно пережитая человечеством пандемия COVID-19, по прошествии четырех лет по-прежнему связываемая с онлайн-революцией, которая «изменила нашу коммуникацию так, что возвращение на предыдущий уровень стало невозможным» [Кронгауз, 2020, с. 742]. К актуальным турбулентным ситуациям, безусловно, отнесем масштабный паводок и разрушительное наводнение в апреле 2024 года на Южном Урале и в Западной Сибири.

Осмысление турбулентности в фокусе лингвориторической исследовательской практики есть поиск ответа на вопрос об онтологическом статусе, функционале и качестве текстов массовой информации, участвующих в урегулировании социальной напряженности и преодолении конфликтогенности, неизбежно сопровождающих катаклизмические и кризисные процессы. Именно в турбулентный период как никогда наглядно проявляются связи медиатекста как осознанного продукта мыслеречевой деятельности с внетекстовой реальностью, что направляет фокус лингвориторических изысканий на оценку и диагностирование его эффективности, понимаемой как достижение баланса между целью субъекта речи и полученным результатом.

Очевидно, что эффективная коммуникация турбулентного времени должна быть направлена на реализацию принципа «сближения сознаний» (Х. Перельман), на поддержание устойчивого диалога как способа пре-

одоления кризисного состояния как общества, так и индивидуума. Такая целеустановка требует риторического подхода к текстовой деятельности, постулирующего осознанность как макропараметр текстообразования.

Актуальность настоящего исследования определяется коммуникативной потребностью турбулентного времени в осмыслении такого феномена, как **риторический риск текста**, под которым мы понимаем возможную опасность снижения текстовой эффективности, возникающую вследствие несоблюдения технологий риторического текстообразования и создающую угрозу реализации авторского коммуникативно-речевого замысла. Отметим, что понятие риторического риска вводится нами в область филологических исследований по аналогии с различными сферами человеческой практики, измеряемыми по шкале «эффективность / неэффективность»: политические риски, военные риски, финансовые риски, правовые риски и т. п.

Новизна настоящего исследования связана с апробацией процедур лингвориторической реконструкции текстообразования, описывающей зоны риторических рисков в медиатекстах турбулентного времени.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материал исследования составляют: 1) тексты выступлений, в том числе и интервью, политических деятелей, задействованных в организации мероприятий по борьбе с коронавирусной инфекцией в 2020—2022 годах; 2) текст интервью губернатора Оренбургской области Д. Паслера, данного им Российской газете в связи с апрельским наводнением 2024 года в подведомственном ему регионе.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении текстоформирующих индикаторов, сигнализирующих о зонах риторических рисков в медиатекстах вышеотмеченных турбулентных периодов, в русле концепции риторического декодирования.

Риторическое декодирование текста (далее РДТ) — разработанная нами концепция, направленная на анализ механизмов текстообразования с позиции оценки эффективности текста как продукта мыслеречевой деятельности, см. подробнее: [Гольшкина, 2020]. РДТ формируется в контексте риторико-лингвистических исследований, гносеологической доминантой которых выступает категория эффективности. Так, эффективность речи — традиционный объект риторических и культуроречевых исследований [Катышев, 2002, с. 129—136; Рождественский, 1997, с. 115; Сиротинина, 2007, с. 16—28; и др.]. Онтологическая сущность эффективности корреспондирует с признанным риторическим взглядом на речевую коммуникацию как «коммуникацию действенную, эффективную, оптимальную, целенаправленную, с осознанием говорящим собственной или партнера речекоммуника-

тивной деятельности и ее продукта / объекта (текста)» [Земская и др., 2000, с. 11]. Проблему параметризации эффективности речевого общения решает лингвистическая прагматика, предлагая системы принципов и постулатов, определяющих условия успешности коммуникации [Grice, 1975; Leech, 1983; Гордон и др., 1985]. Опыт осмысления эффективности демонстрируют медиалингвистика [Дускаева, 2019]; судебная лингвистическая экспертиза [Осадчий, 2020]; экспертиза рекламного текста [Ухова, 2013] и др.

Изучение феномена риторического риска базируется на учете следующих *теоретических положений РДТ*.

Эффективный текст — результат осознанного подхода к текстовой деятельности, достижение которого обеспечивается следованием риторическому канону как технологии, воспроизводящей универсальный идеоречевой цикл, состоящий из инвентивного, диспозитивного и элокутивного этапов [Безменова, 1991, с. 43].

«Порождение текстовой базы представляет собой стратегический процесс, совершаемый в оперативном режиме (on-line)» [Дейк ван, 2015, с. 171]. Соответственно, технология риторического канона трактуется как операциональная процедура, состоящая из инвентивной, диспозитивной и элокутивной стратегий текстообразования, которые в свою очередь выступают и векторами практики РДТ.

Ведущий метод РДТ — лингвориторическая реконструкция текстообразования (далее ЛРТ). Цель ЛРТ состоит в обнаружении представлений продуцента о риторическом текстотипе-образце, получающем свое воплощение в конкретном тексте. Риторический текстотип — когнитивная структура, объективирующая идею текстовой эффективности в системе задаваемых структурой коммуникативного акта параметров риторичности, таких как публичность, диалогичность, аргументированность, персуазивность, актуальность, акциональность, технологическая осознанность [Морина (Гольшкина), 2022, с. 306].

Технологическая осознанность есть следование риторическому канону в совокупности составляющих его текстоформирующих этапов-стратегий. В рамках ЛРТ инвентивная стратегия текстообразования обуславливает актуальность текста, а также его акциональность как потенциальную способность к изменению фрагмента действительности. Диспозитивная стратегия отвечает за аргументированность и шире — за персуазивность. Элокутивная стратегия определяет диалогичность и публичность текста.

Таким образом, ЛРТ осуществляет поэтапное выявление механизмов вербализации стратегий текстообразования, как обеспечивающих персуазивный эффект, так и снижающих его. ЛРТ обнаруживает несоответствия между критериями риторичности и их вербальным воплощением, диагно-

стируя тем самым сильные и слабые стороны текста. Исследовательский потенциал ЛРТ позволяет считать ее продуктивной процедурой для определения результативности медиатекстов, в том числе и турбулентного времени.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В соответствии с указанными стратегиями текстообразования выделим зоны риторических рисков: инвентивную, диспозитивную, элокутивную.

3.1. Инвентивная зона риторических рисков

Инвентивная стратегия текстообразования призвана сформировать концептуальный сценарий будущего текста: она связана с предметной областью речи, с ее общим семантическим планом. В рамках действия данной стратегии субъект речи в первую очередь объективирует свою практическую цель — тот результат, на который направлен текст как инструмент моделирования действительности. Далее авторское целеполагание реализуется в выдвижении темы и проблемы, а также в предъявлении аудитории тезиса — основного смыслообразующего элемента, ключевого высказывания с субъектом и предикатом, обеспечивающего содержательно-смысловое единство текста.

В ходе реконструкции инвентивной стратегии текстообразования определены такие индикаторы риторического риска, как 1) имплицитность практического целеполагания субъекта речи; 2) ортодоксальность тезиса как следствие консервативного подхода к его выдвижению.

Декодирование практической цели говорящего нередко осуществляет контекстно-жанровым способом: мы реконструируем «глобальное намерение» (Т. А. ван Дейк), исходя из актуальной социально-политической или исторической повестки и наших представлений о жанровой организации тех или иных коммуникативных ситуаций. Однако такой подход к тексту требует достаточно эрудированной и коммуникативно грамотной аудитории. Гораздо большим потенциалом в области воздействия на массовое сознание обладают высказывания-перформативы, представляющие собой индивидуализированные речевые действия, участвующие в изменении объективной реальности путем прямой экспликации намерения говорящего: *Я поручаю...; Я призываю...; Я предлагаю...; Мы гарантируем...; Мы обещаем...* и т. п. Использование перформативных высказываний делает субъекта речи непосредственным участником событий, налагает на него ответственность за сказанное. Кроме того, перформативные высказывания позволяют слушающему фокусировать внимание на интенциональности говорящего и вступать в intersubjective отношения.

В практике ЛРТ выявление целеполагания говорящего осуществляется путем речеактовой идентификации: в русле классической теории речевых

актов мы констатируем наличие директивных, комиссивных, экспрессивных и т. п. высказываний. По сути, декодирование иллокутивной силы задает систему координат для реконструкции семантически ориентированных составляющих инвентивной стратегии текстообразования: темы, проблемы, тезиса. При этом в контексте РДТ мы, следуя за Ю. Хабермасом, связываем первое лицо единственного числа с экспликацией автономии и индивидуальности субъекта коммуникативного действия [Хабермас, 1989], переносим идею перформативности с высказывания на текст, что закрепляет за риторическим текстом такой критерий, как акциональность.

Так, в интервью министра здравоохранения РФ М. Мурашко, данном им Н. Аскер-Заде в программе «Вести» на телеканале «Россия 1» [Мурашко, 13.12.2021], мы сталкиваемся с имплицитностью практической цели интервьюируемого. Здесь речеактовая идентификация оказывается нерелевантной в силу отсутствия в тексте перформативных высказываний. И только контекстуальный способ, связанный со знанием о текущей эпидемиологической ситуации и появившихся новых способах борьбы с ковидом, позволяет реконструировать целеполагание говорящего — убедить россиян в действенности отечественных вакцин в условиях появления омикрона как нового штамма коронавируса.

Речеактовая идентификация практической цели говорящего затруднительна и в тексте интервью губернатора Оренбургской области Д. Паслера, данного им корреспонденту Российской газеты В. Зотиковой [Паслер, 21.04.2024]. Только контекстуальный способ декодирования позволяет связать акциональность текста с демонстрацией системы мероприятий, направленных на преодоление последствий разрушительного наводнения и реализацию социально-экономической поддержки населения.

Риторические риски наблюдаем и в области формулирования и выдвижения тезиса текста, закладывающего содержательно-смысловую программу текста. Часто в текстах массового политического дискурса тезирование идет по т. н. консервативному пути, когда выдвигается и подтверждается то суждение, которое ожидает услышать аудитория. В таком случае принято говорить об ортодоксальном тезисе в противовес парадоксальному, возникающему вследствие творческого переосмысления информации [Анисимова и др., 2004, с. 49].

Например, в тексте стенограммы заседания президиума Координационного совета при Правительстве по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции на территории РФ от 11.01.2022, участниками которого стали М. Мишустин, С. Собянин, М. Мурашко, А. Попова, Р. Минниханов, С. Ситников, тезис задает, естественно, председатель Правительства РФ: *Идет борьба с коронавирусом* [Мишустин,

11.01.2022]. Данный тезис есть бытийное, или экзистенциальное, высказывание, констатирующее существование актуального процесса. На фоне устойчивого тиражирования в СМИ образа мировой войны с коронавирусом стертая метафоричность высказывания создает эффект восприятия борьбы с ковидом как обыденного явления. Данное высказывание, превратившееся в речевой штамп турбулентного времени, мы квалифицируем как ортодоксальный тезис, который снижает злободневность проблематики и тем самым актуальность текста. В размещенных на сайте Правительства РФ для массового ознакомления текстах стенограмм многочисленных заседаний Координационного совета, регулярно проводимых в течение 2020—2022 годов, выдвижение ортодоксального тезиса — устойчивая текстообразующая черта: *Во многих регионах ситуация с распространением коронавирусной инфекции остаётся достаточно напряжённой* [Мишустин, 01.12.2020]; *Ситуация с коронавирусом остаётся напряжённой* [Мишустин, 23.07.2021]; *Ситуация с коронавирусом остаётся сложной* [Мишустин, 08.02.2022].

Отметим, что высокая степень официализации заседаний правительственных структур не располагает к креативности. Соответственно, наличие ортодоксального тезиса оценивается как следование требованиям официально-делового стиля речи. Однако тиражирование ортодоксального тезиса, его воспроизведение от текста к тексту в рамках типизированной коммуникативной ситуации рутинизирует положение дел, снижает актуальность проблематики, формируя зону инвентивных рисков.

3.2. Диспозитивная зона риторических рисков

Диспозитивная стратегия текстообразования призвана упорядочить содержательно-смысловую структуру текста и обеспечить его композиционно-аргументационную организацию. Диспозитивность в семиотическом плане связывается в первую очередь с синтаксическим измерением, изучающим «морфологию текста» (Ю. С. Степанов).

Реконструкция диспозитивной стратегии сигнализирует о риторических рисках в области аргументации, ведущих к снижению текстовой персуазивности. В ходе ЛРТ выделены такие индикаторы риска, как 1) одноплановость аргументации; 2) избыточность статистических данных, используемых в качестве аргументов; 3) частотность эксплуатации связанного рассуждения, или доминирование сочинительной аргументации.

Одноплановость аргументации возникает в результате увлеченности говорящего универсальной системной аргументацией, под которой понимают «обоснование утверждения путем включения его в качестве составного элемента в кажущуюся хорошо обоснованной систему утверждений» [Ивин, 2003, с. 79]:

Набор мер противодействия инфекции остаётся прежним (Подтезис). Значимую роль играет своевременное тестирование (Аргумент 1). Ранняя диагностика позволяет быстрее начать лечение и оградить от риска заражения других людей (Аргумент 2). <...> в стране идёт масштабная кампания по вакцинации от коронавируса (Аргумент 3) [Мишустин, 11.01.2022];

Все известные варианты коронавируса, так же как и другие респираторные инфекции, передаются воздушно-капельным путём (Аргумент 1). Это важное знание (Инверсированный усеченный подтезис). Мы знаем сегодня, что он так же устойчив или неустойчив в окружающей среде (Аргумент 2), так же чувствителен ко всем дезинфекционным средствам, ко всем средствам обеззараживания (Аргумент 3), он так же не передаётся при соблюдении санитарных требований, при изоляции органов дыхания, при защите органов дыхания, при сокращении контактов между людьми (Аргумент 4) [Попова, 11.01.2022];

...среди заболевших — люди, у которых уже есть иммунитет к штамму коронавируса (Подтезис). У многих (Аргумент 1). И течение на этом фоне идет либо бессимптомно, либо с незначительными клиническими проявлениями (Аргумент 2). На сегодняшний день никакой угрозы ни жизни, ни утяжеления состояния мы не видим. Ситуация стабильная, ровная (Аргумент 3), люди на сегодняшний день получают минимальную терапию (Аргумент 4) [Мурашко, 13.12.2021].

В рассмотренных примерах наблюдается семантико-грамматическая трансформация информативного регистра речи, презентующего систему аргументов, в генеритивный, коммуникативная функция которого есть обобщение, осмысление информации, соотнесение ее с накопленным фондом знаний, с универсальными законами мироустройства. Этот тип речи демонстрирует высокую степень абстрагирования от конкретной ситуации, вневременной характер действия [Золотова и др., 2004, с. 30, 404]. Такая регистровая амбивалентность, формирующая генерализованную семантику, переводит аргументы в разряд универсалий, которые воспринимаются как прописные истины. Мы наблюдаем тенденцию к десемантизации текста, которая формирует ритуальность коммуникации и снижает персуазивный эффект.

Медиадискурс турбулентного времени активно эксплуатирует статистику: количественная информация о динамике распространения заболевания или о масштабах стихийного бедствия, о росте смертности или о стабилизации и т. п. необходима переживающим тяжелые потрясения людям для правильной ориентации в текущей ситуации, для принятия необходимых решений и следования тем или иным мерам. Статистические данные, выступая в функции рациональных аргументов, традиционно признаются

т. н. «сильными» доводами, вызывающими доверие аудитории. Однако эффективность риторической аргументации обеспечивает не приоритет рационального над эмоциональным, универсального над контекстуальным, а их синтез. Обилие статистики препятствует адекватному восприятию фактуальной информации, ее критической оценке и аналитическому сравнению. Очевидно, что осознанное восприятие массива количественных данных требует подготовленного слушателя. Указанные факторы позволяют нам включить злоупотребление статистикой в диспозитивную зону риска:

На 11 января 2022 года в республике выявлено 43 749 заболевших. За весь период пандемии выздоровело 36 800 человек, мы потеряли 1497 человек. Показатель заболеваемости в республике составляет 1123 человека на 100 тысяч населения. <...> [Минниханов, 11.01.2022];

По состоянию на субботу к нам поступило уже 372 798 заявлений на получение выплат. Выплаты назначены 42 942 оренбуржцам, а 38 016 человек уже получили деньги. Замечу, мы направили 10 миллиардов рублей на поддержку пострадавших от наводка. Но это не основная часть средств. Значительную помощь область получит из федеральной казны [Паслер, 21.04.2024].

При этом ответ губернатора Оренбургской области, переживающей разрушительное наводнение, сопровождает вопрос-реплика журналиста В. Зотиковой: «Как бы за общими цифрами не потерять конкретного человека?» [Там же, 21.04.2024]. Именно этот вопрос и выступает метапоказателем риторической уязвимости губернаторской речи.

Угрозу текстовой эффективности может создать и частотность эксплуатации связанного рассуждения — сочинительной аргументации, в рамках которой «каждый из приводимых доводов непосредственно соотносится с исходной точкой зрения, все доводы взаимозависимы и только вместе эффективно поддерживают эту точку зрения» [Снук Хенкеманс, 2006, с. 123]. Связанное рассуждение — неперенный атрибут политической речи:

...ситуация в республике стабильная и находится на постоянном контроле (Подтезис). В резерве имеется 50 % коек, при необходимости мы можем в течение недели в два-три раза нарастить их объём (Аргумент 1). Лекарства есть. Все вопросы решены (Аргумент 2). Кроме того, мы ввели более жёсткие меры на транспорте: действует система QR-кодов (Аргумент 3). Все места общественного пребывания работают строго в режиме, который определён Роспотребнадзором (Аргумент 4) [Минниханов, 11.01.2022];

В целях снижения заболеваемости нами с 22 октября прошлого года были приняты дополнительные ограничительные меры (Подтезис). На территории области было приостановлено проведение публичных мас-

совых мероприятий (Аргумент 1), введён режим обязательной самоизоляции для невакцинированных граждан старше 60 лет (Аргумент 2). Для посещения ресторанов, торговых центров, организаций культуры и фитнес-центров, бассейнов, салонов красоты, гостиниц и других организаций массового пребывания людей установлено требование о наличии QR-кода, сертификата о пройденной вакцинации от коронавируса или перенесённой COVID-инфекции в течение последних шести месяцев (Аргумент 3). За соблюдением ограничительных мероприятий был установлен жёсткий контроль, количество проверок, рейдов увеличилось кратно (Аргумент 4) [Ситников, 11.01.2022].

Потребность субъекта политического медиадискурса в связанном рассуждении возникает, когда ему необходимо наглядно продемонстрировать результаты своей деятельности, детализированно обозначить объем реализованного. Связанное рассуждение обеспечивает эффект повышенной доказательности: говорящий, видимо, предугадывая возможные возражения, прибегает к обилию аргументов, что делает доказательство более весомым. Сочинительная аргументация не оставляет слушающему возможностей ее оперативного достраивания, расширения, что чрезвычайно важно для любого политика, коммуницирующего с разнородной массовой аудиторией, не всегда предсказуемой.

Подытоживая обзор диспозитивных рисков, отметим, что связанные рассуждения, универсальная системная аргументация и увлеченность статистикой способны превратить любой жанр политического дискурса в формализованный отчет, персуазивность которого часто оказывается под угрозой.

3.3. Элокутивная зона риторических рисков

Элокутивная стратегия текстообразования связана с завершением «идеоречевого цикла, в котором реализуется переход от концептуального уровня к языковому. Непосредственно в самой элокуции осуществляется ”вербализация” мысли» [Безменова, 1991, с. 42], то есть языковое оформление текста. Реализация элокутивной стратегии обеспечивает селекцию и комбинацию языковых средств, призванных максимально эффективно реализовать авторский замысел. Именно поэтому с семиотической точки зрения мы связываем элокутивность в первую очередь с прагматическим измерением текста.

Реконструкция элокутивной стратегии в текстах массовой коммуникации турбулентного времени демонстрирует риски, ведущие к ослаблению диалогичности как неперменной характеристики текста риторического типа. Более того, если речь идет о турбулентных периодах человеческого существования, то диалогичность становится коммуникативной необходимостью, позволяющей социуму преодолевать кризисы и конфликты.

В процессе ЛРТ выделены такие индикаторы элокутивного риска, как 1) снижение адресованности текста; 2) вуалирование авторизации.

Аксиомой коммуникативной лингвистики выступает утверждение: «Хорошей может быть только речь, ориентированная на адресата...» [Кормилицына, 2007, с. 211]. Адресация как способ обеспечения диалогичности располагает обширным арсеналом средств, куда входят: обращения; конструкции с местоимениями 2-го лица и соответствующими глагольными формами — т. н. *ты-* и *вы-*высказывания; *мы-*высказывания, объединяющие говорящего с аудиторией; императивные речевые акты; риторические вопросы и восклицания; вопросно-ответные комплексы, имитирующие диалог в рамках монологической речи; контактоустанавливающие и метатекстовые конструкции [Там же, с. 212].

Адресация в периоды турбулентности становится своеобразным метапоказателем коммуникативно-аксиологических ориентиров власти, от которой люди ждут как активной включенности в происходящее, оперативно реагирования, так и выражения соучастия, сопереживания, сочувствия, что возможно только в режиме диалога, пусть и опосредованного. Так, в тексте интервью губернатора Оренбургской области Д. Паслера [Паслер, 21.04.2024] адресующих риторических средств не обнаружено. Чиновник не использует медиавозможности интервью как инструмента массовой коммуникации, способного взаимодействовать не только с интервьюером, но и с широкой аудиторией. Безусловно, в тексте имеет место косвенная адресация, представленная номинациями, образующими контекстуально обусловленную тематическую группу «Жители Оренбургской области»: *люди; оренбуржцы; орчане; пострадавшие; пострадавшие от паводка; люди, проживающие в пунктах временного размещения;* и т. п. Такой путь взаимодействия с населением есть свидетельство выстраивания субъект-объектных отношений вместо продуктивных субъект-субъектных, сокращающих дистанцию между разностатусными коммуникантами.

В тексте интервью министра здравоохранения РФ М. Мурашко программе «Вести» от 16.07.2021, реализующем интенцию призыва населения страны к вакцинации, арсенал средств адресации сведен к использованию исключительно *мы-*высказываний, декодирование которых при этом осложняется неясностью референциальной отнесенности самого индексального знака *мы*, например: *Наиболее высокий рост сегодня мы видим — это Алтайский край, мы видим — Астраханская область подрастает <...> Вот сейчас мы видим этот прирост еще в 2 раза* [Мурашко, 16.07.2021].

Референциальная неопределенность, возникающая при декодировании *мы-*высказываний, прослеживается и в другом телевизионном ин-

тервью министра: **Мы видим**, что заболеваемость стабилизировалась...; **Мы говорим** о коллективном иммунитете как методе формирования такой общей защиты; и т. п. [Мурашко, 13.12.2021].

Определение значения местоимения *мы* требует ментальных усилий реципиента: *мы* — это министр и подведомственная ему министерская команда, или министр и Правительство РФ, или министр и медицинские работники, или министр и население страны и т. п. Очевидно, что *мы*-высказывания способны выполнять как адресующую, так и авторизующую функции. Размытость референциальных границ личного местоимения 1-го лица множественного числа создает определенные затруднения при идентификации субъекта действия, что создает риски декодирования замысла говорящего.

Турбулентное время способствует выдвижению коммуникативных лидеров, личностей, имеющих свою точку зрения на происходящее и демонстрирующих свою активную социальную позицию, что требует их нахождения в гуще событий, их участия в регуляции кризисных процессов. Именно поэтому в дискурсе турбулентного времени особую роль играет авторизация — способ выражения «Я» говорящего, запускающий механизмы субъективации речи. В риторической практике ядро средств авторизации составляют эгоцентрические единицы языка: личные местоимения 1-го лица, формирующие т. н. *я*- и *мы*-высказывания, притяжательные местоимения 1-го лица, а также вводные слова и обороты как показатели субъективной модальности.

Местоимение-эгоцентрик *я* в первую очередь эксплицирует субъекта речи, поскольку оно «в норме имеет конкретно-референтный статус» [Падучева, 2019, с. 360]. *Я*-высказывания способны демонстрировать непосредственную причастность говорящего к сообщаемому, что, с одной стороны, влечет за собой повышение персональной ответственности за транслируемую информацию, с другой, укрепляет доверие аудитории.

В привлеченном к ЛРТ интервью М. Мурашко от 16.07.2021 мы не обнаруживаем употребления *я*-высказываний как ядерных средств авторизации и диалогичности в целом. Периодически авторизующую функцию выполняют *мы*-высказывания, референциальная отнесенность которых относительно устойчива: *Мы рекомендуем [прореагировать] со следующей недели...; Мы единичные видели такие реакции; ...мы вводим иммунобиологический препарат...* [Мурашко, 16.07.2021].

Для верификации заключений, связанных с вуалированием адресации, обратимся к возможностям SEO-технологии (Search Engine Optimization), предлагающей семантический анализ текстов, позволяющий оценить их качество по критериям: количество символов, количество слов, семантическое ядро, стоп-слова, водность текста и т. п. Так, специализированный

SEO-сервис Advego [<https://advego.com/text/seo/>] не выявляет в речевой партии министра здравоохранения РФ М. Мурашко, реализованной в интервью от 16.07.2021, такого значимого для риторической коммуникации эгоцентрика, как личное местоимение 1-го лица единственного числа.

Что касается речевой партии губернатора Оренбургской области Д. Паслера в исследуемом интервью, то семантический анализ, проведенный посредством онлайн-сервиса Advego, демонстрирует следующие результаты актуализации эгоцентрических элементов:

- *мы*: количество (частотность употребления) — 7, частота — 0,92 %;
- *я*: количество (частотность употребления) — 2, частота — 0,26 %;
- *мой*: количество (частотность употребления) — 1, частота — 0,13 %.

Интерпретация результатов свидетельствует о демонстрации включенности в происходящее административной команды, что не умаляет заслуг губернатора, напротив, демонстрирует его умение организовать работу различных структур. Однако турбулентное время требует от главы области демонстрации не только коллективной, но и персональной ответственности, на которую уповает население пострадавшего региона.

Таким образом, зона элокутивных рисков связана с нарушением баланса в использовании средств создания диалогичности, что влечет за собой уже репутационные риски для субъектов речи как социальных акторов.

4. Заключение = Conclusions

Турбулентное время актуализирует значимость текстов массовой информации, обладающих способностью к регуляции текущих процессов и явлений. Именно в переломные периоды человеческого существования оказываются востребованными тексты риторической природы, характеризующиеся актуальностью, акциональностью, аргументированностью, персуазивностью, диалогичностью.

Понятие риторического риска вводится в рамках концепции РДТ с целью обозначить зоны отступлений от требований, задаваемых риторическим каноном как технологией эффективного текстообразования. ЛРТ как метод исследования опирается на когнитивно-прагматический подход к моделированию текста, что позволяет инвентаризировать риторические риски в рамках трех базовых стратегий текстообразования — инвентивной, диспозитивной и элокутивной.

Инвентивная зона риторических рисков текстов турбулентного времени формируется в ситуациях, вызывающих затруднения при декодировании практической цели субъекта речи, а также в случаях выдвижения ортодоксального тезиса, имеющего тенденцию к мультиплицированию в дискурсе кризисного периода.

Диспозитивная зона риторических рисков создается доминированием в арсенале говорящего универсальной системной аргументации, придающей доводам характер трюизмов, избыточностью статистических сведений, часто сконцентрированных в рамках одной сверхфразовой единицы, что не способствует их адекватному восприятию и оперативному критическому осмыслению. Кроме того, в эту же зону риторических рисков попадают связанные рассуждения, увлеченность которыми создает эффект реализации некоторой отчетной программы.

Элокутивная зона риторических рисков складывается вследствие игнорирования такого значимого для турбулентного времени коммуникативного критерия, как диалогичность. Реализованная ЛРТ демонстрирует, что диалогичность, обычно объективируемая путем адресации и авторизации, не является, к сожалению, прерогативой турбулентного периода.

Значимость настоящего исследования определяется возможностью использования его результатов в широкой профессиональной деятельности: в образовательной коммуникативно-речевой сфере, в таких областях, как спичрайтинг, медиапрактика, лингвистическая экспертиза текста.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. Минниханов Р. Сообщение президента Республики Татарстан [Электронный ресурс] / Р. Минниханов // Стенограмма заседания президиума Координационного совета при Правительстве по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации : [сайт]. — 11.01.2022. — Режим доступа : <http://government.ru/news/44308/> (дата обращения 28.04.2024).

2. Мишустин М. Вступительное слово [Электронный ресурс] / М. Мишустин // Стенограмма заседания президиума Координационного совета при Правительстве по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации : [сайт]. — 01.12.2020. — Режим доступа : <http://government.ru/news/40995/> (дата обращения 28.04.2024).

3. Мишустин М. Вступительное слово [Электронный ресурс] / М. Мишустин // Стенограмма заседания президиума Координационного совета при Правительстве по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации : [сайт]. — 23.07.2021. — Режим доступа : <http://government.ru/news/42860/> (дата обращения 28.04.2024).

4. Мишустин М. Вступительное слово [Электронный ресурс] / М. Мишустин // Стенограмма заседания президиума Координационного совета при Правительстве по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации : [сайт]. — 11.01.2022. — Режим доступа : <http://government.ru/news/44308/> (дата обращения 28.04.2024).

5. Мишустин М. Вступительное слово [Электронный ресурс] / М. Мишустин // Стенограмма заседания президиума Координационного совета при Правительстве по

борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации : [сайт]. — 08.02.2022. — Режим доступа : <http://government.ru/news/44509/> (дата обращения 28.04.2024).

6. Мурашко М. Иммуитет, повторная вакцинация и побочные реакции : интервью телеканалу «Россия 1» [Электронный ресурс] / М. Мурашко // Вести.ru : [сайт]. — 16.07.2021. — Режим доступа : <https://www.vesti.ru/article/2589136> (дата обращения 30.04.2024).

7. Мурашко М. Нужно три недели, чтобы оценить эффективность наших вакцин против «омикрона» : интервью телеканалу «Россия 1» [Электронный ресурс] / М. Мурашко // Вести.ru : [сайт]. — 13.12.2021. — Режим доступа : <https://www.vesti.ru/article/2652128> (дата обращения 30.04.2024).

8. Паслер Д. Интервью В. Зотиковой [Электронный ресурс] / Д. Паслер // Российская газета : [сайт]. — 21.04.2024. — Режим доступа : <https://rg.ru/2024/04/21/reg-pfo/gubernator-orenburzhia-rasskazal-rg-kak-v-regione-pomogaiut-postradavshim-ot-pavodka.html> (дата обращения 28.04.2024).

9. Попова А. Доклад об эпидемиологической ситуации в регионах и работе по выявлению нового штамма коронавируса [Электронный ресурс] / А. Попова // Стенограмма заседания президиума Координационного совета при Правительстве по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации : [сайт]. — 11.01.2022. — Режим доступа : <http://government.ru/news/44308/> (дата обращения 28.04.2024).

10. Ситников С. Сообщение губернатора Костромской области [Электронный ресурс] / С. Ситников // Стенограмма заседания президиума Координационного совета при Правительстве по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации : [сайт]. — 11.01.2022. — Режим доступа : <http://government.ru/news/44308/> (дата обращения 28.04.2024).

Литература

1. Анисимова Т. В. Современная деловая риторика / Т. В. Анисимова, Е. Г. Гимпельсон. — Москва : МПСИ, 2004. — 432 с. — ISBN 5-89502-632-X.

2. Безменова Н. А. Очерки по теории и истории риторики / Н. А. Безменова. — Москва : Наука, 1991. — 215 с. — ISBN 5-02-011087-6.

3. Голышкина Л. А. Риторика декодирования : теоретико-методологическое обоснование научного направления / Л. А. Голышкина // Научный диалог. — 2020. — № 5. — С. 9—24. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-9-24.

4. Гордон Д. Постулаты речевого общения / Д. Гордон, Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. — Москва : Прогресс, 1985. — Выпуск XVI. — С. 276—306.

5. Дейк ван Т. А. Когнитивные модели этнических ситуаций / Т. А. ван Дейк // Язык. Познание. Коммуникация. — Изд. 2-е. — Москва : ЛЕНАНД, 2015. — С. 161—189. — ISBN 978-5-9710-1387-7.

6. Дускаева Л. Р. Векторы прагматического анализа в медиалингвистике / Л. Р. Дускаева // Медиалингвистика. — 2019. — Т. 6. — № 1. — С. 4—18. — DOI: 10.21638/spbu22.2019.101.

7. Земская Ю. Н. Основы общей риторики / Ю. Н. Земская, И. Ю. Качесова, Н. В. Панченко, А. А. Чувакин. — Барнаул : Изд-во Алтайского университета, 2000. — 110 с. — ISBN 5-7904-0132-5.

8. Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. — Москва : Ин-т рус. яз. РАН им. В. В. Виноградова, 2004. — 544 с. — ISBN 5-88744-050-3.
9. Ивин А. А. Риторика: искусство убеждать / А. А. Ивин. — Москва : ФАИР-ПРЕСС, 2003. — 304 с. — ISBN 5-8183-0390-X.
10. Катышев П. А. Риторизованное взаимодействие / П. А. Катышев // Риторика : учебно-методический комплекс для студентов гуманитарных факультетов. — Кемерово : КемГУ, 2002. — С. 123—140. — ISBN 5-8154-0060-2.
11. Кормилицына М. А. Риторическая организация речи (адресованность речи) / М. А. Кормилицына // Хорошая речь / Под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. — Изд. 2-е. — Москва : Изд-во ЛКИ, 2007. — С. 211—222. — ISBN 978-5-382-00205-7.
12. Кронгауз М. А. Screenlife в эпоху карантина / М. А. Кронгауз // Коммуникативные исследования. — 2020. — № 4. — С. 735—744. — DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).735-744.
13. Морина (Голышкина) Л. А. Ментальный текст-образец как ориентир риторического декодирования / Л. А. Морина (Голышкина) // Когнитивные исследования языка. Когниция, культура, коммуникация в современных гуманитарных науках. — Москва ; Тамбов ; Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2022. — Выпуск 3 (50). — С. 305—308. — ISBN 978-5-7782-4730-7.
14. Осадчий М. А. Русский язык в судебном процессе : Книга для судебных лингвистов-экспертов, журналистов, политиков, специалистов по рекламе и PR. — Изд. 2-е, стереотип / М. А. Осадчий. — Москва : ЛЕНАНД, 2020. — 256 с. — ISBN 978-5-9710-7519-6.
15. Падучева Е. В. Эгоцентрические единицы языка / Е. В. Падучева. — Изд. 2-е. — Москва : ИД ЯСК, 2019. — 440 с. — ISBN 978-5-907117-23-5.
16. Полулях Д. С. Турбулентность как характеристика современного миропорядка / Д. С. Полулях // Политическая наука. — 2017. — Спецвыпуск. — С. 245—260.
17. Рождественский Ю. В. Теория риторики / Ю. В. Рождественский. — Изд. 2-е, испр. — Москва : Добросвет, 1997. — 482 с. — ISBN 5-7913-0031-8.
18. Сиротинина О. Б. Основные критерии хорошей речи / О. Б. Сиротинина // Хорошая речь / Под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. — Изд. 2-е, испр. — Москва : Издательство ЛКИ, 2007. — С. 16—28. — ISBN 978-5-382-00205-7.
19. Снук Хенкеманс Ф. Структуры аргументации / Ф. Снук Хенкеманс // Важнейшие концепции теории аргументации. — Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2006. — С. 123—161. — ISBN 5-8465-0396-9.
20. Ухова Л. В. Теоретические проблемы исследования эффективности рекламного текста : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Л. В. Ухова. — Ярославль, 2013. — 452 с.
21. Хабермас Ю. Понятие индивидуальности / Ю. Хабермас // Вопросы философии. — 1989. — № 2. — С. 35—40.
22. Grice H. P. Logic and Conversation / H. P. Grice // Syntax and Semantics. — New York : Academic Press, 1975. — Vol. 3. — Pp. 41—58.
23. Leech G. N. Principles of Pragmatics / G. N. Leech. — London : Longman, 1983. — xii, 250 p. — ISBN 0582551102.

Статья поступила в редакцию 02.03.2024,
одобрена после рецензирования 15.05.2024,
подготовлена к публикации 21.05.2024.

Material resources

- Minnikhanov, R. (2022). Message from the President of the Republic of Tatarstan. *Transcript of the meeting of the Presidium of the Coordinating Council under the Government to combat the spread of a new coronavirus infection in the territory of the Russian Federation: [website]*. 11.01. Available at: <http://government.ru/news/44308/> (accessed 28.04.2024). (In Russ.).
- Mishustin, M. (2020). Introductory speech. *Transcript of the meeting of the Presidium of the Coordinating Council under the Government to combat the spread of a new coronavirus infection in the territory of the Russian Federation: [website]*. 01.12. Available at: <http://government.ru/news/40995/> (accessed 28.04.2024). (In Russ.).
- Mishustin, M. (2021). Introductory speech. *Transcript of the meeting of the Presidium of the Coordinating Council under the Government to combat the spread of a new coronavirus infection in the territory of the Russian Federation: [website]*. 23.07. Available at: <http://government.ru/news/42860/> (accessed 04/28/2024). (In Russ.).
- Mishustin, M. (2022). Introductory speech. *Transcript of the meeting of the Presidium of the Coordinating Council under the Government to combat the spread of a new coronavirus infection in the territory of the Russian Federation: [website]*. 11.01. Available at: <http://government.ru/news/44308/> (accessed 29.04.2024). (In Russ.).
- Mishustin, M. (2022). Introductory speech. *Transcript of the meeting of the Presidium of the Coordinating Council under the Government to combat the spread of a new coronavirus infection in the territory of the Russian Federation: [website]*. 08.02. Available at: <http://government.ru/news/44509/> (accessed 28.04.2024). (In Russ.).
- Murashko, M. (2021). Immunity, re-vaccination and adverse reactions: an interview with Rossiya 1 TV channel. *Becmu.zu: [website]*. 16.07. Available at: <https://www.vesti.ru/article/2589136> (accessed 30.04.2024). (In Russ.).
- Murashko, M. (2021). It takes three weeks to evaluate the effectiveness of our vaccines against omicron: interview with Rossiya 1 TV channel. *Becmu.zu: [website]*. 13.12. Available at: <https://www.vesti.ru/article/2652128> (accessed 30.04.2024). (In Russ.).
- Pasler, D. (2024). Interview with V. Zotikova. *Rossiyskaya gazeta: [website]*. 21.04. Available at: <https://rg.ru/2024/04/21/reg-pfo/gubernator-orenburzhia-rasskazal-rg-kak-v-regione-pomogaiut-postradavshim-ot-pavodka.html> (accessed 28.04.2024). (In Russ.).
- Popova, A. (2022). Report on the epidemiological situation in the regions and work on the identification of a new strain of coronavirus. *Transcript of the meeting of the Presidium of the Coordinating Council under the Government to combat the spread of a new coronavirus infection in the territory of the Russian Federation: [website]*. 11.01. Available at: <http://government.ru/news/44308/> (accessed 28.04.2024). (In Russ.).
- Sitnikov, S. (2022). Message from the Governor of the Kostroma region. *Transcript of the meeting of the Presidium of the Coordinating Council under the Government to combat the spread of a new coronavirus infection in the territory of the Russian Federation: [website]*. 11.01. Available at: <http://government.ru/news/44308/> (accessed 28.04.2024). (In Russ.).

References

- Anisimova, T. V., Gimpelson, E. G. (2004). *Modern business rhetoric*. Moscow: MPSI. 432 p. ISBN 5-89502-632-H. (In Russ.).

- Bezmenova, N. A. (1991). *Essays on the theory and history of rhetoric*. Moscow: Nauka. 215 p. ISBN 5-02-011087-6. (In Russ.).
- Duskaeva, L. R. (2019). Vectors of praxiological analysis in media linguistics. *Media linguistics*, 6 (1): 4—18. DOI: 10.21638/spbu22.2019.101. (In Russ.).
- Golyshkina, L. A. (2020). Decoding Rhetoric: Theoretical and Methodological Substantiation of the Scientific Direction. *Nauchnyi dialog*, 5: 9—24. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-5-9-24> (In Russ.).
- Gordon, D. (1985). Postulates of speech communication. In: *New in foreign linguistics. Linguistic pragmatics, XVI*. Moscow: Progress. 276—306. (In Russ.).
- Grice, H. P. (1975). Logic and Conversation. In: *Syntax and Semantics*, 3. New York: Academic Press. 41—58.
- Habermas, Yu. (1989). The concept of individuality. *Questions of philosophy*, 2: 35—40. (In Russ.).
- Ivin, A. A. (2003). *Rhetoric: the art of persuasion*. Moscow: FAIR PRESS. 304 p. ISBN 5-8183-0390-X. (In Russ.).
- Katyshev, P. A. (2002). Rhetorized interaction. In: *Rhetoric: an educational and methodological complex for students of humanities faculties*. Kemerovo: KemGU. 123—140. ISBN 5-8154-0060-2. (In Russ.).
- Kormilitsyna, M. A. (2007). Rhetorical organization of speech (addressing of speech). In: *Good speech. 2nd edition*. Moscow: LKI Publishing House. 211—222. ISBN 978-5-382-00205-7. (In Russ.).
- Krongauz, M. A. (2020). Screenlife in the era of quarantine. *Communicative research*, 4: 735—744. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).735-744. (In Russ.).
- Leech, G. N. (1983). *Principles of Pragmatics*. London: Longman. xii, 250 p. ISBN 0582551102.
- Morina (Golyshkina), L. A. (2022). Mental text-sample as a guideline for rhetorical decoding. In: *Cognitive studies of language. Cognition, culture, and communication in modern humanities*, 3 (50). Moscow; Tambov; Novosibirsk: NSTU Publishing House. 305—308. ISBN 978-5-7782-4730-7. (In Russ.).
- Osadchy, M. A. (2020). *The Russian language in the judicial process: A book for forensic linguists, experts, journalists, politicians, advertising and PR specialists. 2nd edition, stereotype*. Moscow: LENAND. 256 p. ISBN 978-5-9710-7519-6. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (2019). *Egocentric units of language. 2nd edition*. Moscow: ID YASK. 440 p. ISBN 978-5-907117-23-5. (In Russ.).
- Polulyakh, D. S. (2017). Turbulence as a characteristic of the modern world order. *Political science. Special issue*. 245—60. (In Russ.).
- Rozhdestvensky, Yu. V. (1997). *Theory of rhetoric*. Moscow: Dobrosvet. 482 p. ISBN 5-7913-0031-8. (In Russ.).
- Sirotnina, O. B. (2007). *Basic criteria of good speech*. Moscow: LKI Publishing House. 16—28. ISBN 978-5-382-00205-7. (In Russ.).
- Snook Henkemans, F. (2006). Structures of argumentation. In: *The most important concepts of the theory of argumentation*. St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University. 123—61. ISBN 5-8465-0396-9. (In Russ.).
- Ukhova, L. V. (2013). *Theoretical problems of researching the effectiveness of an advertising text*. Doct. Diss. Yaroslavl. 452 p. (In Russ.).
- Van Dijk, T. A. (2015). Cognitive models of ethnic situations. In: *Language. Cognition. Communication. 2nd edition*. Moscow: LENAND. 161—189. ISBN 978-5-9710-1387-7. (In Russ.).

Zemskaya, Yu. N. (2000). *Fundamentals of general rhetoric*. Barnaul: Publishing House of Altai University. 110 p. ISBN 5-7904-0132-5. (In Russ.).

Zolotova, G. A. (2004). *Communicative grammar of the Russian language*. Moscow: V. V. Vinogradov Russian Academy of Sciences. 544 p. ISBN 5-88744-050-3. (In Russ.).

*The article was submitted 02.03.2024;
approved after reviewing 15.05.2024;
accepted for publication 21.05.2024.*